

Пэй Я был лекарем-конфуцианцем лет пятидесяти. Он выглядел на редкость бодрым, а его черные, как атлас, волосы и борода свидетельствовали о том, что старик умел заботиться о своем здоровье. Лишь легкая хромота выдавала старую травму.

В прежние годы Пэй Я служил военным врачом и занимал почтенную должность помощника директора в Императорской медицинской академии — 太醫院. К тому же он имел почетный титул четвертого ранга — «доктор, охраняющий покой». Но позже, повредив ногу и впад в немилость у столичной знати, он подал прошение об отставке, «желая упокоить свои старые кости». Ши-цзу, памятуя о его увечье, позволил ему остаться в Академии без обязательств участвовать в военных походах, однако само прошение об уходе отклонил.

Пэй Я промучился на службе еще два года, прежде чем вновь подал в отставку. На этот раз Хубилай всерьез разгневался. По счастливой случайности именно тогда Мэн Хуань сопровождал Баяна с докладом к императору и вскользь замолвил словечко за лекаря. Юноша умел говорить красиво: пара удачных фраз развеселила государя, и тот, рассмеявшись, немедленно подписал бумагу, отпустив Пэй Я на покой.

С тех пор лекарь, помня о доброте Мэн Хуаня, частенько навещался в его поместье. Именно он пару месяцев назад лечил раны, полученные молодым офицером во время восточного похода на Японию.

Обычно Пэй Я лечил самого хозяина, изредка — его любимых наложниц. Но сегодня его позвали к другому человеку — к тому же южанину. Увидев незнакомое лицо, лекарь невольно удивился, но, будучи человеком немногословным, лишних вопросов задавать не стал. Он просто поставил свой сундучок и приступил к осмотру.

— Ну что, доктор Пэй? — нетерпеливо спросил Мэн Хуань.

Лекарь внимательно осмотрел зрачки Сун Чжи, прижал пальцы к запястью, считая пульс, и нахмурился.

— Вылечить сможешь? — снова подал голос Мэн Хуань.

Пэй Я искоса взглянул на него. Он заметил, что, даже когда Салань болела, господин не выказывал такого беспокойства. Стало ясно: если он скажет «нет», этот вспыльчивый юнец может и сорваться.

— Смогу, — уверенно кивнул старик. — Не волнуйтесь, офицер Мэн.

Пусть сейчас Мэн Хуань был лишь скромным 太醫院 醫師, его отец был влиятельным военачальником, а мать — сестрой самого генерала Соду. Даже в зените своей карьеры Пэй Я не посмел бы выказать ему неуважение, а уж теперь, лишившись чинов, и подавно.

Завершив осмотр, лекарь выписал рецепт, не скупясь на самые дорогие ингредиенты. Он передал бумагу Цино, но Мэн Хуань перехватил листок, быстро пробежал его глазами и только после этого велел слуге отправляться в аптеку.

— Этот человек... — начал Пэй Я.

— Сун Цзилань, господин Сун, — подсказал Мэн Хуань.

— Господин Сун, — послушно повторил лекарь, — сильно простудился. Лихорадка серьезная. Впредь ему нельзя укрываться таким тонким одеялом. — Старик указал на легкое ватное покрывало, под которым лежал больной.

Мэн Хуань только сейчас заметил эту оплошность и тут же приказал Ациле принести одеяло потяжелее.

— Отвары нужно пить трижды в день, без пропусков, — наставлял Пэй Я. — Но жар слишком велик. Если не сбить его сейчас, пострадает разум. Я применю иглоукалывание.

Он извлек из сундучка серебряные иглы и точными, выверенными движениями ввел их в точки, и. За долгие годы практики руки лекаря обрели непоколебимую уверенность.

— Ну как? — спросил Мэн Хуань, наблюдая за процедурой.

Пэй Я почтительно сложил руки:

— Подождите полчаса, жар начнет спадать. После лекарств и нескольких дней покоя господин Сун поправится. Думаю, через полмесяца он будет как новенький.

— Полмесяца? — Мэн Хуаню этот срок явно не пришелся по душе.

Лекарь погладил бороду:

— Это зависит от его телосложения и того, насколько хорошо за ним будут ухаживать в ближайшие дни.

Мэн Хуань в ответ коротко поклонился:

— Благодарю за труды, доктор Пэй.

Цино уже вручил лекарю плату за визит, поэтому хозяин лишь проводил старика до дверей, не слушая возражений. Когда гость ушел, в комнате остались лишь Мэн Хуань и Ацила.

— Твоя хозяйка знает, что ты отиралась здесь, у Сун Цзиланя? — спросил он, не оборачиваясь.

Ацила отвела взгляд и запнулась:

— Это... это молодая госпожа велела мне прийти.

Мэн Хуань смерил ее холодным взглядом:

— Можешь идти и доложить, что исполнила приказ.

Это был явный приказ убираться. Ацила не посмела спорить. С низким поклоном она выскользнула из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь. Перед тем как уйти, она успела заметить, что Мэн Хуань стоит у постели Сун Чжи, склонив голову, но из-за того, что он стоял спиной, выражения его лица было не разглядеть.

Вспомнив вчерашнюю сцену и глядя на метавшегося в бреду Сун Чжи, Мэн Хуань почувствовал легкий укол раскаяния. На улице похолодало, а он, ослепленный гневом, заставил Сун Чжи стоять на коленях, совсем позабыв о том, какой ледяной в этих краях пол.

Впрочем, раскаяние быстро сменилось досадой. Уж слишком упрям был этот книжник — характер у него оказался покруче, чем у любого другого южанина. Неужели он никогда не видел таких гордых людей?

«Всего лишь похвалил его, сказал, что он красив, и ничего более... Стоило ли из-за этого так убиваться и лезть на рожон?»

Мэн Хуань натянул на него второе одеяло, заботливо подоткнув края. Когда он хотел убрать руку, Сун Чжи внезапно вцепился в его ладонь. Ладонь больного пылала огнем.

Сун Чжи тяжело вздохнул, зашевелил губами, и из горла вырвался тихий, жалобный стон:

— Матушка...

Мэн Хуань попытался высвободиться, раздраженно думая: «Какой я тебе матушка?» — но Сун Чжи держал крепко. Пришлось вздохнуть и присесть на край кровати, дожидаясь, пока Цино принесет отвар.

Он часто смотрел на Сун Чжи, но сейчас впервые видел его таким.

«Красивые люди даже в болезни выглядят по-особенному, — мелькнула невольная мысль. — Слово само изящество».

Лихорадочный румянец на бледном лице делал его облик мягким, почти беззащитным. Обычно Сун Чжи всегда был холоден и отстранен, словно застегнут на все пуговицы своего невидимого панциря.

Вернувшийся Цино застыл в дверях, во все глаза глядя на господина.

«Это что еще за новости? — подумал слуга. — С чего это наш молодой хозяин так расчувствовался?»

— Чего застыл? Ступай варить снадобье! — прикрикнул Мэн Хуань.

Цино недоверчиво ткнул пальцем в себя:

— Мне? Варить лекарство для него?

— А ты хочешь, чтобы я это делал?

— Никак нет, господин! Бегу уже!

Когда Цино принес готовую чашу, Сун Чжи так и не пришел в себя. Мэн Хуань, чью руку он все еще сжимал, слегка встряхнул его за плечо:

— Сун Цзилань, очнись.

Тишина. Мэн Хуань нахмурился и похлопал его по щеке:

— Лекарство принесли. Пей.

Сун Чжи что-то невнятно пробормотал, но глаз не открыл. Мэн Хуань не выдержал. Когда это он так возился с южанином, да еще и с каким-то захудалым грамотеем? Он резко выдернул руку и повысил голос:

— Сун Цзилань!

Потеряв во сне тепло «матушкиной» руки, Сун Чжи вздрогнул и распахнул глаза. Мутным взором он уставился на Мэн Хуаня, чье лицо сейчас не сулило ничего доброго.

— Почему молодой господин здесь?.. — прохрипел он. Голос звучал так, будто в горло ему насыпали песка. — Разве мне не полагался сегодня отдых?

Мэн Хуань отступил на шаг и кивнул Цино: «Давай».

— Если бы не доброта Чомань, ты бы тут и скончался в беспомощности! — бросил он больному.

Сун Чжи промолчал. Он и сам не ожидал, что болезнь свалит его так внезапно.

— Пришел в себя — так пей. Никто тебя с ложечки кормить не станет.

— Благодарю за заботу, — тихо отозвался Сун Чжи.

Цино протянул ему чашу:

— На, держи!

Сун Чжи, разбитый слабостью, попытался взять лекарство, но рука дрогнула, и он чуть не расплескал содержимое. Испугавшись, он перехватил чашу покрепче и поднял взгляд. Мэн Хуань смотрел на него с нескрываемым нетерпением.

— Ты уж поаккуратнее, — проворчал Цино. — Травы редкие, дорогие. Опрокинешь — вовек не расплатишься, даже если в рабство продашься.

Сун Чжи отхлебнул немного и тут же скривился. Горечь была невыносимой. Он с трудом проглотил порцию, плотно сжав губы. Пить эту дрянь не хотелось, но под пристальными взглядами выбора не оставалось. Зажмурившись, словно воин, идущий на верную смерть, он одним махом осушил чашу.

Лицо его от горечи стало почти зеленым. Он вернул посуду слуге и, обессиленный, рухнул обратно на подушки, укрывшись с головой.

— Простите, господин, — донеслось из-под одеяла. — Я болен и не могу проводить вас.

Мэн Хуаня эта сцена даже позабавила. Он еще по первому глотку понял: Сун Чжи терпеть не может горечь. Такой взрослый мужчина — а боится горького лекарства.

«Неужели и впрямь такая гадость?» — подумал Мэн Хуань, вспомнив рецепт. Пожалуй, Пэй Я действительно переборщил с целебными, но противными на вкус кореньями.

Он не стал наказывать Сун Чжи за дерзость и лишь бросил на прощание:

— Поправляйся скорее. Чомань все еще ждет, когда ты начнешь учить ее каллиграфии.

Сун Чжи в ответ лишь крепче зажмурился. Голова разболелась еще сильнее.

Выйдя за порог, Мэн Хуань негромко приказал Цино:

— Сходи на кухню, возьми для него медовых фруктов. Да поживее, пока он не уснул.

Слуга, который сегодня уже и забыл, когда в последний раз вспоминал о собственном достоинстве, лишь уныло кивнул и поплелся исполнять поручение.

Мэн Хуань подумал еще немного и велел прислать к Сун Чжи служанку по имени Ляньэр — из южанок, чтобы та неотлучно ухаживала за ним, пока болезнь не отступит. Разобравшись с делами, он направился в кабинет. Утро выдалось суматошным, и время уже близилось к полудню.

В кабинете его ждала не только Чомань, но и Лянь Шэнь, которого он не видел уже много дней. Друзья сидели вместе и с интересом рассматривали «шедевры» каллиграфии Мэн Хуаня.

Увидев хозяина, Лянь Шэнь двумя пальцами брезгливо подцепил лист бумаги со стола:

— Хацзиэр, Чомань говорит, ты ударился в ученость? Решил сменить меч на кисть?

Мэн Хуань вырвал лист из его рук, аккуратно свернул и положил на место.

— Твой отец наконец выпустил тебя из-под замка?

Лянь Шэнь закатил глаза:

— Я только-только на волю выбрался, не порти настроение!

Чомань встала:

— Бойся, что ты так ничего и не понял. У таких, как ты, раны заживают быстрее, чем совесть просыпается.

Мэн Хуань усмехнулся:

— Рассказывай, как тебе это удалось? Насколько я помню, срок твоего заточения еще не вышел.

Лянь Шэнь поморщился:

— А как еще? Матушка помогла.

После смерти дяди, Верховного государственного советника Ляня, семья лишилась своей главной опоры, и остальные братья клана стали вести себя тише воды, ниже травы. Но весть о том, что Лянь Шэнь среди бела дня насмерть сбил конем южанина Бай Чжунлю, каким-то образом дошла до его отца, Лянь Силу. Тот в ярости кричал на сына: «Смерть одного южанина — дело пустое, но скакать во весь опор по улицам Даду — это наглость! Здесь столица, подножие трона императора, и я не позволю тебе так позорить имя рода!» С этими словами он и запер непутевого сына под замок.

Лянь Шэнь тогда чуть с ума не сошел. Несколько попыток побега провалились, и ему пришлось прикинуться пайнькой. Он целыми днями увивался вокруг матери, моля о прощении, и женское сердце не выдержало. Пара слов, нашептанных отцу на ушко в ночной тишине, — и Лянь Шэнь снова увидел свет.

Закончив рассказ, он тяжело вздохнул:

— Герой на закате дней!

Мэн Хуань не выдержал и рассмеялся:

— Ты хоть понимаешь, к чему эта фраза? Какой из тебя герой, да еще и на закате?

Лянь Шэнь выудил из вазы виноградину и недовольно фыркнул:

— Ты мне тут не умничай, как эти книжники. Вечно они говорят так, что нормальному человеку и слова не разобрать.

Мэн Хуань в шутку пнул его:

— Это мой кабинет, а не кабак. Проваливай.

Лянь Шэнь со смехом увернулся:

— Вот она, благодарность! Я к нему пришел, а он меня даже не угостил — все бегал за своим учителем. Неужто я не заслужил даже грозди винограда?

Чомань протянула Мэн Хуаню ветку:

— Ганьсуйский, сладкий. Попробуй, Хацзиэр.

Мэн Хуань бросил пару ягод в рот — и вправду, мед.

— Ну как? — спросила девушка.

— Хорошо, — кивнул он. — Но я бы сейчас не отказался от личи из провинции Фуцзянь.

Услышав это, Лянь Шэнь многозначительно ухмыльнулся:

— Хацзиэр, всё тебе на месте не сидится. Неужто в Даду тебе тесно? Обязательно лезть в самое пекло, где только кровь да сеча?

<http://bllate.org/book/17487/1695341>